

*Автономизация гендерных исследований
в транснациональном пространстве:
феминистские практики*

Елена Здравомыслова, Анна Темкина

Современный этап развития гендерных исследований в России происходит в контексте глобализации, в так называемой «постпатриотической фазе» развития социальных наук (Appadurai 1996: 18). В *глобальной ойкумене* циркуляция идей осуществляется в сжатом пространстве и времени (Бауман 2004, Giddens 1991) и строится через взаимное влияние, конкуренцию универсального и особенного, постоянное оспаривание многообразных претензий на гегемонию. В этих условиях развитие знания обретает транснациональный характер как в сфере его производства, так и в сфере коммуникации, где происходит постоянная миграция идей, людей, вещей, капиталов.

Феминизм также исповедует транснациональный подход. Транснациональный феминизм отрицает бинарность центра-периферии, современного-традиционного, предполагает взаимозависимость разных процессов и явлений. Для феминизма в контексте глобализации характерно сочетание локальных действий с политикой кросс-культурной солидарности. «Транснациональные феминистские практики... включают в себя формы альянса, подрыва и соучастия, внутри которых можно критиковать различные асимметрии и неравенства» (Гревал и Каплан 2003: 108). В результате в транснациональном пространстве гендерных исследований наблюдается сегментация полей академической коммуникации.

Кто мы, гендерные исследователи в современной России? Чьи позиции нам близки? С кем мы себя идентифицируем? Прошло более пятнадцати лет с тех пор, как в исследовательском поле России обозначился гендерный подход. В настоящее время термин «гендер» стал зонтичным для различных, иногда противоречащих друг другу исследований, посвященных социально-культурному определению меж- и внутриполовых отношений (Temkina, Zdravomyslova 2002). В российском публичном и научном контексте категория «гендер» зачастую лишается своего критического потенциала и «революционирующего

запала», происходит вымывание феминистского содержания из этого термина: во многих случаях то, что раньше маркировалось как «пол», заменяется «гендером» (Ушакин 2000: 35, Брандт 2003: 24, 28, Барчунова 2000). Некоторые исследователи в связи с этим говорят о фальшивых гендерных исследованиях. Однако существует и критическая позиция российского феминизма, в которой гендер рассматривается как категория, обозначающая базовое структурное неравенство по признаку пола (см., например, «*Doing gender* на русском поле: круглый стол»¹). В дальнейшем мы будем обсуждать именно этот сегмент российских гендерных исследований, к которому мы принадлежим.

До сих пор сохраняется маргинальный статус гендерных исследований в академическом поле. За последние годы нам неоднократно приходилось участвовать в различных конференциях и семинарах, посвященных обсуждению перспектив развития гендерных исследований в разных обществах. Мы наблюдаем неугасающий интерес к восточноевропейскому феминизму (столь популярному в локальном контексте), проявляемый как со стороны гендерного сообщества. В этих дискуссиях постоянно воспроизводится вопрос о релевантности западного знания для российского контекста. Показательны названия российских и международных конференций и семинаров, которые звучат как призывы – «*Canon of Our Own?*» («Есть ли у нас собственный канон?»), «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны», «Гендер по-русски: преграды и пределы», «Феминизм: запад-восток», «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество», «*Transnational feminism and local perspectives: Theories, practices and analytical approaches*» («Транснациональный феминизм и локальные перспективы: теории, практики и аналитические подходы») и пр. Хотя западные феминистки работают в этом поле около сорока лет, они ставят перед собой те же вопросы, что и восточноевропейские исследователи – перспективы феминизма, маргинализация, геттоизация, поколенческие разрывы, демобилизация в женском движении, размывание политического субъекта в постмодернистской парадигме.

Все это говорит о главном – мы находимся в транснациональном исследовательском пространстве со сложной структурой и подвижными отношениями. Для него характерны внутренняя напряженность, неравенство, стремление к переговорам между разными субъектами пространства. Ситуация глобализации подразумевает методологию и политическую практику транснационализма.

Транснациональные академические практики пронизывают деятельность гендерной программы Европейского Университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), которую мы координируем. Однако конфигурация транснационального феминистского пространства, как нам кажется, со временем меняется. В начале 1990-х годов мы ощущали жесткую границу между нами и «Западом» и воспринимали культурную гегемонию западного феминизма как леги-

тимный авторитет, а свою позицию определяли как «час ученичества». При этом мы переносили на российскую почву многие понятия, теории и подходы, переводили тексты, пытались интегрироваться в международное сообщество, которое являлось перед нами как когерентное «западное». Сейчас мы относимся к международному феминистскому дискурсу избирательно, не воспринимаем «Запад» как единое целое, а ориентируемся на установившиеся связи, основанные на методологической и предметной общности, опыте совместных исследований и даже на личных симпатиях. Конфигурация поля транснациональных академических практик представляется нам изменчивой констелляцией отношений, в том числе институциональных. Это сложное междисциплинарное транснациональное пространство кооперации женских феминистских и гендерных исследований, включающее СНГ и страны бывшего СССР, Скандинавию, восточноевропейские исследования и исследователей в США. Данные взаимоотношения политизированы в контекстах путинской России – Европейского союза – США Буша. Политический контекст влияет на конфигурацию феминистского академического пространства. Критическая позиция сближает феминисток разных стран и разных поколений. Так, например, феминистки США и России критикуют консервативную национальную политику авторитарного государства и ксенофобию.

Как видится транснациональное пространство из нашей перспективы – российского сообщества исследователей гендера? Это пространство формируется за счет институциональной стратегии автономизации². Автономизация предполагает создание сообщества исследователей, разделяющих ряд общих методологических принципов, хотя и принадлежащих к разным локальностям. Цель этой стратегии – выработка общего понятийного аппарата и языка, постоянная поддержка исследовательской сети, создание собственных каналов научной коммуникации. Практики автономизации разнообразны и изменчивы. Они включают тематические конференции, публикации специализированных изданий, тематические летние школы, Интернет-рассылки профильной информации и пр. Сообщество интегрируется формальными и неформальными персонализированными и корпоративными сетями. При этом гендерный подход складывается как междисциплинарный. Стратегия автономизации имеет локальный и транснациональный аспекты. Далее мы кратко остановимся на локальной автономизации.

Последняя предполагает взаимодействие исследователей и активистов женского движения. Многие исследователи в России, как и в других странах, являются одновременно участниками женских НПО, осуществляют консультации и гендерную экспертизу, выполняют научные проекты по заказу женских (гендерных) ресурсных центров, взаимодействуют с политическими, в т.ч. государственными, структурами в качестве экспертов и пр. Возникшее в начале 1990-х годов российское женское движение первоначально включало два

направления, которые были названы постсоветским и собственно феминистским. «Постсоветское» крыло известно как «феминология». Это термин использовался для того, чтобы обозначить ориентацию на исследования женского социального опыта, дистанцированную от феминистских теорий и практик как не адекватную российскому контексту. Феминистки ввели в российскую дискуссию термин «гендерные исследования». В конце 1990-х годов жесткое разделение двух направлений и исследовательских подходов утрачивает свое значение. Расхождения в интерпретациях гендерного подхода уступают место взаимодействию единомышленников в рамках сообщества. Основы феминистской теории интегрированы в курсы по гендерным исследованиям. По специальности «социальная работа» в России «гендерология и феминология» входит в набор обязательных дисциплин³. В формате спецкурсов гендерные исследования читаются на гуманитарных факультетах и факультетах общественных наук.

Стратегия автономизации в западном контексте включает создание отдельных центров и программ в университетах, где читаются разные курсы по феминизму, женским и гендерным исследованиям, защищаются магистерские и докторские диссертации по женским исследованиям. Такие центры связаны в различные академические сети школ, обменов студентов и преподавателей, совместных проектов и пр. Они являются междисциплинарными. Однако пока мы еще не стремимся к выделению специализации «гендерные исследования», которая повлекла бы за собой присвоение ученых степеней и званий.

Стратегия автономизации оказывается неизбежной и эффективной для новой области знания, поскольку исследователи нового чувствуют себя более «комфортно» в кругу единомышленников, говорящих на одном академическом языке и разделяющих один подход. Ведь за пределами сообщества в 1990-е годы приходилось доказывать правомерность гендерного подхода в социальных исследованиях и бороться за свое место в академическом сообществе, выражавшем очевидный скепсис как по поводу феминизма, так и по поводу гендера. Причины этого неприятия были многообразны – начиная от осознанно антифеминистских взглядов и заканчивая сомнениями в качестве проводимых исследований. Поддержка западных фондов рассматривалась частью академического сообщества как неоправданная конъюнктура. И тем не менее, с конца 1990-х годов в России становится очевидной тенденция к интеграции гендерного подхода в основное русло социального знания⁴.

Транснациональный аспект автономизации предполагает активную вовлеченность в кросс-национальные дискуссии. Новые электронные технологии научного производства и коммуникации чрезвычайно благоприятны для транснациональной стратегии автономии. Автономизация сегодня предполагает пересечение границ национальных государств, объединяет и формирует гендерное «эпистемическое сообщество» «без границ».

Рассмотрим некоторые феминистские транснациональные практики, которые представляются нам наиболее характерными. Перед этим определим, что мы понимаем под транснациональным подходом в феминизме.

Транснациональный подход в феминизме

Транснациональный подход получает все большее распространение в современном феминистском академическом сообществе. Он соответствует «третьей волне» феминизма. Термин «транснационализм» используется, чтобы проблематизировать политику глобального-локального и центра-периферии и сфокусировать внимание на связях, которые проходят сквозь эти разделения. Транснациональные связи пронизывают все сферы и уровни социального существования. Эффекты их конфигураций разнообразны и исторически специфичны. С точки зрения скандинавской феминистки Н. Ликке, транснационализм предполагает выработку новых познавательных инструментов в соответствии с рядом положений. К ним относятся борьба с универсализмом и постоянное внимание к различиям; эвристичность смещения исследований во внеевропейские перспективы, которые позволяют увидеть иные стороны изучаемого и увидеть особенное, фрагментированное; диалог с исследуемым и рефлексивность собственной позиции для преодоления иллюзии всемогущества знания; постоянный учет других измерений гендерного неравенства и их пересечений (Lykke 2004).

Рассмотрим подробнее общие методологические принципы, которые лежат в основе транснационального феминистского подхода.

Во-первых, для него характерна критика культурного империализма в гендерных исследованиях. Мы рассматриваем культурный империализм как контекст становления гендерных исследований в транснациональной перспективе. Если в начальном периоде гендерных исследований было уместно обсуждать соотношение сил в категориях мир-системного анализа (центра-периферии), то сейчас это пространство структурировано более сложным образом. Так, если в начале 1990-х в России происходил процесс активного заимствования «западных» теорий и терминов, то в 2000-х годах постепенно актуализируется собственная повестка дня и выстраиваются политические приоритеты. Американская исследовательница Ч. Моханти вместе с другими авторами критикует культурный империализм, т.е. идейную гегемонию западных феминистских подходов, которые превращают «женщин третьего мира» в монолитный субъект (Mohanty 1988). Критики утверждают, что тексты западных феминисток, тяготеющие к этноцентризму и дикурсивной гомогенизации, описывают всех женщин третьего мира как необразованных, безвластных, невежественных, бедных, традиционных, религиозных, привязанных к домашнему миру и

виктимизированных. Им (эксплицитно или имплицитно) противопоставляются современные образованные западные женщины, автономные, обладающие свободой в принятии решений, контролирующие свою жизненную ситуацию и телесность. Исходя из такой перспективы, предполагается безусловная эффективность международных программ развития. Преодоление такого подхода требует принятия во внимание национальных гендерных порядков, стратификационных различий, особенностей индивидуальных биографий и женских голосов, локальных стратегий борьбы и обретения власти.

Во-вторых, транснациональный подход критикует позиционную методологию феминизма «второй волны», которая зиждется на классических когнитивных дуальных оппозициях культуры и природы, мужского и женского. Простое дуалистическое мышление, работающее в режиме бинарных оппозиций, дискурсивно соответствуют иерархии властных отношений господства и подчинения, и потому должно быть отвергнуто. Необходимо сравнение паттернов гендерного угнетения, а не конструирование глобальной теории патриархата как всеобщего женского угнетения.

В-третьих, в транснациональном феминистском дискурсе центральными в анализе становятся гендерные *различия*. Термин культурной гомогенизации обманчив. Феминистская «макдональдизация»⁵ постепенно преодолевается. Отношения между полами рассматриваются как социально создаваемые властные отношения, при которых воспроизводится множественная субординация. В контексте транснациональной культуры возникают феномены рассеивания гегемоний (*scattered hegemonies*) как следствие глобальной мобильности капиталов и множественных субъективностей, которые приходят на смену единому феминистскому субъекту (Grewal and Kaplan 1994). «Термин “транснациональный” обращает внимание на неравномерность и неоднородность циркулирования культуры и капитала» (Гревал, Каплан 2002: 108).

В транснациональном феминизме используется ключевая категория – *intersectionality* (межсекциональность), которая обозначает множественность взаимопересекающихся каузальных условий гендерного неравенства, среди которых особое значение имеет классовая принадлежность, гражданство, раса, этничность, сексуальность и другие⁶. Такое понимание предполагает признание эффектов «культурной гибридизации» (Friedman 1997) в сфере идей как избирательного сочетания локального и общего, своего и чужого в репрезентации понятий (Зверева 2003).

В-четвертых, транснациональный феминизм настаивает на локализации гендерного неравенства и политической повестки. Современная феминистская мысль (Г. Спивак, Ч. Моханти, Л. Никольсон, Белл Хукс, Д. Харауэй и пр.) сближается с современной антропологией, развивающей понятие «местоположения» (*location*). А. Гупта и Дж. Фергюсон обращают внимание на те локальные «места», в рамках которых возникает сопротивление гегемонии. Антропо-

логи переосмысливают ключевое для них понятие «поле». Вслед за Харауэй этнографическое вмешательство рассматривается ими как способ преследования политических целей, объединяющий союзников (Gupta, Ferguson 1997). Такие транслокальные коалиции феминистской борьбы преодолевают ловушки политической нейтральности культурного релятивизма. Так, например, ответ на вопрос, как относиться феминисткам к сексуализации женственности в медийных репрезентациях, предполагает анализ локальных особенностей гендерного порядка.

В-пятых и в-шестых, транснациональный подход предполагает междисциплинарность и ориентацию на сравнительные исследования гендерных неравенств, которые мы здесь не обсуждаем.

В контексте глобализации исследователей интересует, как категории гендера производятся в различных локальностях, как они циркулируют, распределяются и коммодифицируются. Так, например, дискурс о правах женщин распространяется во многих обществах, претендует на гегемонию в политическом проекте феминизма. Однако в каждом конкретном обществе артикулируются разные формы неравенства в зависимости от локального контекста. В частности, если при исследовании неравенства в сфере сексуальных отношений на «Западе» большое внимание уделяется квир-политике, то в постсоветском пространстве эта тематика публично не воспринимается как актуальная. Более важными считаются проблемы домашнего и сексуального насилия: в Таджикистане – это, например, принудительные браки и отсутствие прав у вторых жен, в Армении – добрачное целомудрие, в России – контрацептивная культура и сексуальное образование, в Польше – проблема аборт. При этом сама повестка сексуальной политики не столь значима по сравнению с проблемами дискриминации при найме на работу и политического участия.

Транснациональный подход находит свое выражение в конкретных практиках гендерного сообщества. Рассмотрим их подробнее.

Транснациональные практики гендерного сообщества

Транснациональные практики распространяются на все четыре роли, выделенные Мертоном в социологии науки – роли исследователя, эксперта, педагога и бюрократа (Merton 1973). Они связаны с производством знания, научной коммуникацией, организацией, обучением и передачей знаний. Здесь мы обсуждаем транснациональные феминистские академические практики в двух тесно связанных между собой измерениях – институциональном и понятийном. Институциональные практики включают создание альянсов и сетей исследователей, пересекающих границы национальных государств и конвенциональных дисциплин, тезауруса. Возникает территория коалиций и кооперации.

С ними неразрывно связаны теоретические практики – формирование исследовательских приоритетов, изучение межсекциональности и разработка категориального аппарата и междисциплинарной методологии, релевантных транснациональному подходу.

На динамику феминистских практик влияют экономико-технологические и политические структурные условия. Технологические инновации расширяют возможности современных феминистских практик. Компьютеризированное научное производство знания и коммуникаций создает принципиально новую систему институциональных связей. Интернет-конференции, рассылки, дистанционное обучение, виртуальная координация международных проектов – все это технологически, а значит, и содержательно новые формы организации научного гендерного сообщества. Доступ к новым технологиям оказывается ключевым для научных коммуникаций, в том числе и в сфере гендерной проблематики. Политическая конъюнктура, в свою очередь, влияет на исследовательские приоритеты: именно локальные культурные и политические контексты постсоветского пространства определяют конфигурации практик транснационального научного сообщества.

Рассмотрим несколько примеров транснациональных практик. Мы не претендуем на полноту освещения всех видов транснациональных академических феминистских действий, но рассмотрим те, которые кажутся нам вполне показательными. Одной из важнейших практик, способствовавшей включению российских исследователей в международное сообщество, был *перевод западных феминистских текстов на русский язык*.

Развитие транснациональных практик по-новому ставит вопрос о языке научной коммуникации. Сохраняется гегемония английского языка в мире, русского языка – на территории СНГ. На первом этапе развития гендерных исследований в России преимущества были на стороне исследователей, свободно владевших иностранными языками. Они, как «культурные брокеры», транслировали феминистские знания в национальной аудитории. Обсудим эту практику подробнее, опираясь на наш собственный опыт⁷.

В 1990-е феминистский академический перевод в основном осуществлялся силами энтузиастов и активистов – то есть непрофессиональных литературных переводчиков. Это был период, соответствующий «часу ученичества» российских гендерных исследований на периферии международного академического пространства. В настоящее время перевод профессионализировался, работают профессиональные переводчики.

Переводя феминистские тексты, мы постоянно решаем дилемму верности: изменяем родному языку, желая сохранить верность оригиналу; в то же время изменяем оригиналу, загоняя его в русло родного языка. Русский язык сопротивляется «политически корректному» языку англоязычных феминистских текстов. Русские аналоги часто кажутся нелитературными, безграмотными.

ми (Ушакин 2002: 16-20, Барчунова 2004). В данном случае мы можем говорить не только о сопротивлении языковой грамматической структуры, но и о сопротивлении дискурса. В нашей переводческой деятельности мы попытались сбалансировать требования русского языка и политический пафос языка феминистского дискурса. Проблема перевода феминистских текстов является проблемой политической. Англоязычный термин «гендер» постепенно стал конвенциональным. Стали широко использоваться и такие важные термины, как «гендерный дисплей», «гендерный порядок», «гендерный режим, контракт» и пр. Вместе с использованием таких терминов у социологов появилась возможность концептуализировать социальные институты и практики в гендерном измерении.

В 1990-е годы переводы феминистских текстов способствовали изменению дискурсивной ситуации – вхождению современной социальной (в том числе критической феминистской) теории в *освобожденный российский дискурс*. Российский (теоретический) дискурс становился открытым, он находился в состоянии освоения, впитывания, перевода множества социальных теорий самого разнообразного происхождения. Среди них были и классические подходы, и те, которые выросли как их критика. Такая *всеядность* очевидно компенсировала дискурсивный дефицит советского периода, когда многие традиции, создававшие почву для феминистской критической теории, были маргинализованы. Такие направления, как психоанализ, неомарксизм, экзистенциализм, феноменология, структурно-функциональный анализ, структурализм и постструктурализм существовали в советском дискурсе лишь под рубрикой критики буржуазных теорий или выражались средствами эзопового языка. Дискурсивная открытость предполагает освоение и ревизию текстов, написанных на основе иного опыта в условиях пересекающихся дискурсивных потоков. Такой трансфер дискурса и представляет собой перевод, понимаемый в широком философском смысле этого понятия. Инокультурные тексты начинают приживаться на новой почве и создают предпосылки разработки новых методологических подходов.

Транснациональный подход оперирует понятием «интертекстуальность», которое «снимает» иерархическое различие текста-оригинала и текста-перевода (Derrida 1979). При такой позиции границы текста размыты, и перевод, и оригинал зависят от предшествующих текстов, от исторических источников. Текст уже не рассматривается как плод деятельности одного автора, но является результатом постоянной интерпретации, происходящей в процессе чтения, письма и перевода. Таким образом, оригинал и перевод находятся в общем интертекстуальном поле. Текст оригинала ориентирован на экспансию и культурный империализм, он включается в другие иноязычные дискурсы. Переводной текст приобретает новый смысл, которого он был лишен в своем «родном» дискурсе, и этот смысл артикулируется в процессе научной коммуника-

ции. В транснациональном контексте семантика «классиков» феминизма меняется в зависимости от локального феминистского прочтения. На наш взгляд, переводчики 1990-х являлись со-авторами текстов, создателями нового категориального аппарата, способствуя вхождению российских гендерных исследований в транснациональное пространство.

Еще одна транснациональная практика производства феминистского знания – это «движение» летних школ в «гендерные 1990-е» (Жеребкина 2003). Летние школы по гендерным исследованиям выступили новой для постсоветского пространства образовательно-исследовательской инициативой, которая объединяла заинтересованное сообщество студентов, исследователей и преподавателей. Участники школ могли импровизировать, развивать свои собственные идеи, апробировать новые тематические курсы. Организация обучения не предполагала согласований с государственным образовательным стандартом, с «вышестоящими» методическими инстанциями Минвуза или администрацией учебных заведений. Летние школы расширяли пространство академической свободы, создавали среду для научной коммуникации, способствовали выработке нового знания в области гендерных исследований. Эти школы были междисциплинарными и «транснациональными», они стремились к передаче и распространению современного знания и созданию неихерархизированной научной среды. Они поддерживались международными фондами. Школы стали импульсом создания новых учебных программ в вузах, подготовки новых курсов, гендерных центров, т.е. созданию сетевого «эпистемического сообщества». В настоящее время (середина 2000-х годов), по нашим данным, изменяется формат международной поддержки, что связано с политикой регулирования НКО в России и политикой международных фондов.

Другой пример транснациональной академической практики – *электронные рассылки*. В частности, одним из примеров является электронная рассылка Центрально-Азиатской сети гендерных исследований (модератор Марина Середа⁸). Сеть была учреждена в 2002 году участниками Летней школы гендерных исследований в Алматы. Ее цель – развитие сообщества феминистски ориентированных исследователей. Сеть возникла как союз исследователей и преподавателей гендерных дисциплин. Сеть не является юридическим лицом. При ее учреждении две организации – Алматинский ЦГИ и Центр «Диалог» – выступили инициативными группами. Эти два НПО поочередно принимали на себя администрирование и финансирование сети. В 2002 году, на момент учредительного собрания, в сеть входили представители семи стран – пять стран Центральной Азии, Россия, и Беларусь. На сегодня сеть охватывает тринадцать стран (Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Россия, Беларусь, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, Литва, США). «На конец 2004 сеть имела 144 подписчика. Реальных пользователей значительно больше, т.к. некоторыми адресами пользуется по несколько человек и заочно в

сеть включены все студенты, читающие информационные материалы благодаря преподавателям – членам сети. Это относится к мультипликационным эффектам, сопровождающим любое СМИ», – сообщила нам в ответ на наш запрос модератор сети Марина Середя. По ее информации, масштабных информационных акций для роста сети модераторы не предпринимали, считая, что «лучше меньше, да лучше». «С декабря 2002 по декабрь 2003 рассылки производились вручную по нескольким группам адресатов. В конце 2003 года у сети появился новый партнер – ZaMir.net – первый общественный провайдер в Хорватии, поддерживающий пацифистские и альтерглобалистские инициативы. Благодаря ему был получен автоматический список рассылки. В результате возникло единое информационное поле, многократно возросла интенсивность коммуникаций, унифицировался дизайн». Середя пишет: «Мы стали узнаваемы и признаваемы. Кроме того, у нас произошла полная виртуализация и возросла анонимность – в списке появились новые участники, о существовании которых известно только им самим и модераторам». Последнее обстоятельство не способствует тому, чтобы подписчики воспринимали лист рассылки как признак единого сообщества, но очевидно расширяет информационные эффекты коммуникаций. По свидетельству модератора, в первый год существования сети при принятии решений инициировались дебаты с участием всех подписчиков. Впоследствии модераторы были вынуждены отойти от «прямой демократии». Одна из причин такого изменения механизма принятия решений – полная виртуализация контактов, при которой общение онлайн происходит «случайно и фрагментарно», а эффективность электронной коммуникации требует принятия быстрых решений.

В настоящее время (данные на декабрь 2006 года) сеть располагает двумя сайтами: один из них презентует сеть, другой – представляет гендерные исследования. В рассылке 492 текста по гендерным исследованиям; представлены публикации 232 авторов. Рассылка знакомит с текстами, инициирует дискуссии на публично значимые темы, которые рассматриваются в феминистской перспективе. Среди таких тем – демографическая политика постсоветских государств, проблемы гендерной дискриминации и сексизма, либеральные права и хиджаб, женское движение, отношение к феминизму, тема культурного империализма и пр.⁹ По словам М. Середы, ключевые принципы поддержания жизнеспособности сетевых групп с «плавающим» центром власти таковы: «осознавать, что солидарность – это добровольная зависимость друг от друга; договариваться по всем вопросам и принимать решение консенсусом; неукоснительно следовать договоренностям (до принятия новых); соблюдать преемственность».

Данный пример – не единичный пример Интернет-рассылок в гендерном транснациональном пространстве. При этом в гендерной сети рассылки часто опознаются по имени инициатора или модератора. Существовала так называемая

мая «рассылка Завена» (с 1999 по 2002 гг.), теперь – «рассылка Ольги Плахотник» (с 2002 г. по сегодняшний день) (Харьковский гендерный центр), успешно функционирует «рассылка Ушакина» (российский исследователь, преподающий в США), «рассылка Л. Штылевой» («Конгресс женщин», г. Мурманск) и пр. Достаточно часто в сетях анонсируются возможности получения грантов и позиций, делаются политические заявления, однако главной целью остается распространение академической информации по гендерным исследованиям. Активисты, поддерживающие сеть, участвуют в разных, в том числе сетевых проектах. Эти виртуальные связи поддерживают транснациональное феминистское «эпистемическое сообщество», которое осуществляет получение и передачу знания.

Другой вариант феминистских транснациональных практик связан с вынужденным перемещением *образовательного учреждения из одной страны в другую*, обусловленным политическими обстоятельствами. В 2004 году беспрецедентный акт совершил президент Беларуси Лукашенко, закрыв Европейский Гуманитарный Университет (ЕГУ). ЕГУ на практике реализовывал идею вхождения Беларуси в формирующееся единое европейское национальное пространство, являлся членом международного университетского консорциума *Campus Europae*. В университете работал известный в международном сообществе Центр гендерных исследований. Закрытие университета, в том числе и ЦГИ, спровоцировало протест международного демократического, в том числе феминистского, сообщества, распространяющийся и по вышеназванным электронным сетям. После этого университет переместился в Вильнюс, где получил аккредитацию Министерства образования Литвы. Однако последствия имели и характер стратегических инноваций. Была организована виртуальная библиотека гендерных исследований, усилилась информационная насыщенность и активность электронной коммуникации, посвященной феминистским исследованиям (<http://www.ehu.lt/about/history/minsk/>). На декабрь 2006 года в гендерной библиотеке представлено более 400 источников, 423 статьи и книги более чем 250 русскоязычных и иностранных авторов¹⁰. Белорусские аспиранты уехали учиться в другие страны. В Вильнюсе создали «ЕГУ в изгнании», развиваются дистанционные формы обучения, виртуальные конференции. Итак, часть феминистской образовательной программы виртуализировалась и «транснационализировалась», а часть осталась традиционной.

Заключение

Итак, современные российские гендерные исследования локализованы в транснациональном эпистемическом сообществе. Они должны опираться на принципы транснационального феминизма. Стратегия «автономизации» ген-

дерных исследований в этих условиях не ограничивается «домашним кругом». Преодолевая культурные и политические границы, акторы и институты формируют новые академические поля и институциональные альянсы. Благодаря транснациональным гендерным проектам и практикам меняется положение и российских гендерных исследований. Если в 1990-е годы их положение в феминистском сообществе было периферийным, то в 2000-е годы конфигурация становится более сложной. Для того, чтобы гендерные исследования не стали «интеллектуальным гетто» в российском академическом сообществе и заняли достойное положение в международном феминистском дискурсе, должны развиваться транснациональные практики, обеспечивающие академическую коммуникацию единомышленников.

¹ «*Doing Gender* на русском поле: круглый стол», *Гендерные исследования*, № 13, 2005.

² Другая стратегия – это стратегия интеграции или включения гендерного подхода в основное русло общественного дискурса в соответствии с научным дисциплинарным разделением. Это сходно с тем, что понимается под «*mainstreaming gender*» в политическом дискурсе (Гендерная интеграция 2004). Данная стратегия означает, например, публикации в основных научных изданиях, участие в общенаучных конференциях. Учебник по соответствующей дисциплине будет в таком случае включать разделы или параграфы, связанные с гендерными различиями и неравенством, как например учебники Гидденса или Смелзера (Гидденс 1999, Смелзер 1994, Монсон 1992, Томпсон и Пристли 1998 и пр.). Таким образом, следование интегративным стратегиям способствует тому, что научное сообщество признает новый подход и новый исследовательский предмет. Данная стратегия для нас особенно важна, потому что она препятствует геттоизации гендерных исследований как ниши для исключенной и исключающей группы. (Здравомыслова, Темкина 2001). Одним из значимых примеров является включение крупнейшим российским исследователем Т. Заславской гендерного изменения в обсуждение проблем социального неравенства современного российского общества (Заславская 2006). Другой пример из области массовой культуры представляет Б. Акунин, который в своем романе «Ф.М.» использует категорию гендера при описании трансформации сексуальной идентичности одного из персонажей (Акунин 2006: т. 1: 18).

³ В соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (утверждено Министерством образования РФ 10.03.2000), по специальности 35.05.00. – «социальная работа» в курс «*Гендерология и феминология*» входят следующие разделы:

- Понятие гендерологии, ее объект, предмет, основные методы анализа.
- Мужчина и женщина как субъекты общества. Медико-биологическая, психическая, социокультурная характеристика их социализации: общее и особенное.
- Проблемы культуры пола, стереотипы маскулинности и феминности в обществе.

- Гендерные аспекты социальной работы.
 - Феминология. Женский вопрос и его эволюция. Проблемы женского движения в прошлом и настоящем.
 - Половозрастные характеристики и социальный статус женщины в обществе.
 - Сравнительно-исторический анализ положения мужчины и женщины в истории в России и за рубежом.
- См. <http://www.volsu.ru/rus/info/Special/350500.rtf>.

- ⁴ См. «*Doing Gender* на русском поле: круглый стол», ...
- ⁵ Термин «макдональдизация» используется Ритцером для описания одного из основных эффектов глобализации, предполагающей стандартизацию культурных образцов по американскому типу (Ritzer 1992).
- ⁶ Юваль-Дейвис приводит способы концептуализации социальных различий, в том числе насчитывающих четырнадцать критериев социального различения, список которых не исчерпан (Yuval-Davis 2006: 202)
- ⁷ Мы не одиноки в этой работе – переводные тексты за последнее десятилетие создают новый феминистский дискурс. Среди первых переводных работ – *Феминизм: перспективы социального знания*, под ред. Ворониной О. (М.: ИНИОН. 1992); *Феминизм: проза, мемуары, письма*, под ред. Дегтяревой О. и Панковой А. (М.: Прогресс, 1992); *Современная философия*, 1995, № 1; Фридан Б. *Загадка женственности* (М.: Прогресс, 1994); Миллет К. «Теория сексуальной политики», *Вопросы философии*, 1994, № 9, с. 147-172. В 1990-е – начале 2000-х годов переведено несколько десятков различных книг. Серию переводов публиковал Харьковский гендерный центр в издательской серии «Гендерные исследования» издательства «Алетейя», Институт социальной и гендерной политики – проект «Гендерная коллекция: зарубежная классика» (Издательство РОССПЭН) и др.
- ⁸ casiagender@zimir.net
- ⁹ В работе сети принимают активное участие Елена Гапова, Игорь Савин, София Касымова, Сергей Ушакин, Светлана Шакирова и модератор Марина Середа. Все они вносят весомый вклад в определение формата и содержания сети. С 2004 года модератор сети – Марина Середа, сомодератор – Светлана Шакирова. Сергей Ушакин де-факто выполняет функции сомодератора, но, по свидетельству М. Середы, «скромно отказался от всяческих маркировок, за исключением авторства сайта». В 2004 году у сети появились собственные корреспонденты. Начало финансирования сети было положено личным вкладом Елены Гаповой, затем грант ХЕСП (2002-2003) обеспечивал трафик и создание сайта. С января 2003 по середину мая модераторы оплачивали рассылку из собственных средств. С мая 2004 сеть поддерживает ЖенСеть.
- ¹⁰ Общедоступная Гендерная библиотека ЦГИ ЕГУ <http://library.gender-ehu.org/hms/home.php?publiclogin=1>.

Литература

- Акунин Б. Ф.М. Т.1, Т.2 (М.: Олма-Пресс, 2006).
- Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества* (М.: Весь мир, 2004).
- Барчунова Т. «Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей», *Преодоление* (Новосибирск: СибНовоЦентр, 2000), с. 216-226.
- Барчунова Т. «Перевод и дискурсивное конституирование научного сообщества (на примере гендерных исследований)», *Гендер по-русски: преграды и пределы. Материалы международного научного семинара, организованного Финской Академией наук и Тверским государственным университетом, Тверь, 10-12 сентября 2004 г.*, <http://tvergenderstudies.ru/co03002r.htm>.
- Брандт Г. «Гендерные исследования в России: особенности и проблемы», *Гендерные отношения в современной России исследования 1990-х годов*, под ред. Л. Попковой, И. Тартаковской (Самара: Изд-во Самарский ун-т, 2003), с. 23-30.
- Гендерная интеграция: возможности и пределы социальных инноваций* (М.: ИСПИ, СПб.: Алетейя, 2004). Институт гендерной политики.
- Гидденс Э. *Социология* (М.: Эдиториал УРСС, 1999).
- Гревал И., Каплан К. «Постколониальные исследования и транснациональные феминистские практики», *Гендерные исследования*, № 7-8, 2002, с. 107-111.
- Жеребкина. И. *Гендерные 90-е, или Фалласа не существует* (СПб.: Алетейя, 2003).
- Заславская Т. «Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект», (Статья первая) *Социс*, № 4, 2006, с. 26-37, (Статья вторая) *Социс*, № 5, 2006, с. 3-14.
- Зверева Г. «*Чужое, свое, другое...*»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*, под ред Л. Репиной (М.: ИВИ РАН, СПб.: Алетейя, 2003), с. 389-427.
- Здравомыслова Е., Темкина А. «Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс», *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*, под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. (СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2000), с. 5-28.
- Здравомыслова Е., Темкина А. «Институционализация гендерных исследований в России», *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций*, под ред. М. Малыше-

- вой (М.: Academia, 2001), с. 33-51.
- Монсон П. *Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы* (СПб.: Нотабене, 1992).
- Смелзер Н. *Социология* (М.: Феникс, 1994).
- Томпсон Д., Пристли Д. *Социология* (М.: Аст, Львов: Инициатива, 1998).
- Ушакин С. «“Gender” (напрокат): полезная категория для научной карьеры?», *Гендерная история: Pro et contra*. (СПб.: РГПУ им. Герцена, 2000), с. 34-39.
- Ушакин С. «“Человек рода он”: знаки отсутствия», *О муже(Н)ственности: Сборник статей*, сост. С. Ушакин (М.: НЛО, 2002), с. 7-42.
- «Doing gender на русском поле: круглый стол», *Гендерные исследования*, 2005, № 13.
- Appadurai, A. *Modernity at Large. Cultural Dimension of Globalization* (Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996).
- Giddens, A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age* (Cambridge: Polity Press, 1991).
- Grewal, Inderpal, and Kaplan, Caren. «Introduction: Transnational Feminist Practices and Questions of Postmodernity», in *Scattered Hegemonies. Postmodernity and Transnational Feminist Practices*, in Inderpal Grewal and Caren Kaplan (eds.) (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994), p. 1-33.
- Gupta, A., Ferguson, J. «Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method and Location in Anthropology», in *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science* (Berkeley, California: University of California Press, 1997), p. 1-46. – Гупта А., Фергюсон Дж. «Дисциплина и практика: “поле” в антропологии как место, метод и местоположение». Вводная глава (перевод разделов I-III – С.В. Соколовского; разделов IV-V – О.А. Поворознюк) (1997), <http://osi.iea.ras.ru/young.html>.
- Friedman, J. «Global crisis, the struggle for cultural identity and intellectual porkbarrelling: cosmopolitans versus local, ethnics and nationals in the era of de-hegemonisation», in *Debates Cultural Hybrisity*, in P. Werbner & T. Modood (ed.) (L.: Zed Books, 1997), p. 70-89.
- Lykke, N. «Between Particularism, Universalism and Transversalism. Reflections on the Politics of Location of three European Feminist Journals», *NORA*, vol. 12, № 2, 2004, p. 72-82.
- Merton, R. *Paradigm for the Sociology of Knowledge*, in *Merton R. / Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations* (Chicago, L.: Wiley, 1973), p. 7-40.

Mohanty, C.T. «Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses», *Feminist Review*, № 30, Autumn 1998, p. 65-88.

Ritzer, G. *The McDonaldization of Society. An Investigation into the Changing Characteristics of Contemporary Society* (London: Sage, 1992).

Temkina, A., Zdravomyslova, E. «Feministische Übersetzung in Russland, Anmerkungen von Koautorenen», in *Russische Kultur und Gender Studies*, in Hrs. E. Cheaure und C. Heyder. Osteuropaforschung. Band 43 (Berlin Verlag, 2002), p. 15-34.

Yuval-Davis, N. «Intersectionality and Feminist Politics», *European Journal of Women's Studies*, 2006, vol. 13, no. 3, p. 193-210.